

УДК 93/94

DOI: 10.17223/2312461X/20/10

СМЕНА МОДЕЛЕЙ ОСВОЕНИЯ СОВЕТСКОГО СЕВЕРА В 1950-е гг. СЛУЧАЙ КОМИССИИ ПО ПРОБЛЕМАМ СЕВЕРА*

Екатерина Алексеевна Калеменева

Аннотация. Статья посвящена анализу институциональных изменений экономических исследований советского Севера в середине 1950-х гг., благодаря которым меняется концепция северных районов СССР. На примере деятельности Комиссии по проблемам Севера при СОПС АН СССР и работ ее создателя С.В. Славина в статье раскрыты причины и механизмы изменений принципов освоения советского Севера в послесталинское время. Комиссия по проблемам Севера стала главным координационным центром, связывающим разнообразные научные учреждения в центре и на местах, плановые инстанции и промышленные ведомства для выработки новых схем освоения Севера без применения принудительного труда. На основе опубликованных работ С.В. Славина и неиспользованных ранее архивных материалов показано, как с середины 1950-х гг. Славин стал активно формулировать новую концепцию советского Севера, смещая акценты с диктата развития промышленности на необходимость создания благоприятной среды для человека на Севере.

Ключевые слова: советский Север, С.В. Славин, Комиссия по проблемам Севера, Академия наук СССР, период Оттепели в СССР

Освоение Крайнего Севера было важным ориентиром советской политики. Благодаря обнаружению богатейших запасов полезных ископаемых Север стал одним из наиболее динамично изменяющихся регионов в XX в. На протяжении всего столетия неизменным оставалось доминирование задач индустриализации и милитаризации региона, что повлияло на характер его освоения (Vruno 2016). В результате для характеристики Крайнего Севера нередко было достаточно упоминания сурового климата и безмерного ресурсного потенциала, а процесс его освоения описывался, в первую очередь, как создание промышленных центров.

История изучения и экономического освоения Крайнего Севера нередко рассматривается как продолжение официальной советской политики (Голдин 2011; Коровин 2013; Тимошенко 2014; Josephson 2014). В то время как работы, посвященные роли этнографии в выработке им-

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 16-18-10255.

перских и советских практик освоения региона, обращают пристальное внимание на зависимость изменений научных дисциплин от более широких перемен политического курса (Слезкин 2008), исследователи экономического освоения и интеграции Севера традиционно рассматривают этот процесс «сверху» или «снизу», сосредоточивая внимание на правительственных действиях (McCannon 1998) или на реакции населения на эти меры (Рожанский 2012; Bruno 2010). Однако при таком подходе из поля зрения выпадает слой экспертов, по-своему влиявших на практику экономического освоения Крайнего Севера.

Представления об Арктике в массовой культуре зачастую конструировались приезжими, будь то описания путешественников, записки полярников, материалы корреспондентов или фильмы центральных киностудий. Ученые в этом процессе играли одну из ключевых ролей. Авторитетность и представления об истинности научного знания создавали убедительные и устойчивые нарративы описания территорий Крайнего Севера в различных национальных контекстах (*Narrating the Arctic...* 2002; Spring 2012). Более того, являясь публичными фигурами, эксперты своими работами не просто развивают научное понимание мира, но и закладывают непосредственные категории описания действительности. Ряд современных работ показывает, каким образом ученые посредством исследований, выступлений и других практик научной жизни в той или иной мере моделируют и нарративно конструируют объект своего исследования, задавая определенный язык его описания (*Narrating the Arctic...* 2002; *Science, Geopolitics and Culture...* 2013). Более того, научные концепции важно рассматривать в тесной взаимосвязи с политическим и культурным контекстом, в котором они возникли. К примеру, исследование трансформации мерзлых грунтов как геологического объекта в научную концепцию «вечной мерзлоты» в СССР в 1930-е гг. наглядно показывает тесную взаимосвязь науки, экономики и политики периода сталинской индустриализации, когда ученые были вынуждены обосновывать значимость своих исследований и всей дисциплины не только в профессиональном сообществе, но и для политических элит (Peu-Yi Chu 2015).

Связь научных исследований и политического контекста особенно заметна в переломные политические периоды, когда прежние научные концепции ставятся под вопрос и открываются возможности для утверждения новых дисциплин. История изменения концепции освоения Крайнего Севера как одного из наиболее стратегически важных ресурсных районов может послужить наглядным примером, раскрывающим различные стратегии ученых, вынужденных встраиваться в новые условия. Одни из наиболее серьезных изменений принципов освоения советского Севера произошли после смерти Сталина, когда политические и социальные изменения периода Оттепели и реформа систе-

мы Гулаг сформировали запрос на создание новых методов управления и освоения Севера. Однако содержание и характер этих изменений во многом зависели от конкретных научных институтов и людей, стоявших за их разработкой.

Созданная в 1954 г. Комиссия по проблемам Севера при Совете по изучению производительных сил Академии наук стала одним из наиболее влиятельных институтов, определявших принципы ресурсного освоения советского Севера в послесталинское время. Цель данной статьи – анализ изменений в системе организации исследований советского Севера в 1950-е гг., благодаря которым меняется сама концепция северных районов СССР. С этого времени инициатор создания Комиссии и ее руководитель Самуил Венедиктович Славин в своих работах стал активно формулировать принципиально новый подход к определению Севера, смещая акценты с диктата развития промышленности на необходимость создания благоприятной среды для человека. Самуил Славин был одним из наиболее авторитетных советских экономистов – североведов. Он стоял у истоков формирования и реализации концепции освоения региона в 1930-е гг. и ее изменения в 1950-е, на протяжении почти пятидесяти лет работая в центральных исследовательских институтах СССР, занимавшихся вопросами развития Севера. Анализ трансформации его исследовательских позиций демонстрирует не просто тесную взаимосвязь смены научных концепций освоения региона и политического контекста, но и серьезное изменение роли и влиятельности экспертов в годы Оттепели. Роль С.В. Славина и Комиссии в формировании новой северной стратегии СССР во второй половине XX в. можно реконструировать по личным и институциональным архивным документам, его многочисленным работам и другим материалам об освоении Севера.

Профессиональный путь С.В. Славина (1901–1989)

Фигура самого С.В. Славина заслуживает особого рассмотрения, поскольку с 1950-х гг. именно он во многом влиял на экономическую политику освоения советского Севера. Несмотря на то что Славин был известным и влиятельным ученым, подробная биография его до сих пор не написана, хотя в исследованиях часто встречаются ссылки на его работы и сжатое описание профессиональной деятельности (Витязева, Котырло 2007: 30). Реконструкция его профессионального пути позволит показать, каким образом меняющиеся политические условия влияли на концепции освоения региона.

Самуил Венедиктович родился в семье врача в Могилевской губернии в 1901 г. О его юности и образовании сведений практически нет, но известно, что уже в 1925 г. Славин начал работать в Госплане СССР в

Москве. В самом начале 1930-х гг. он становится заведующим группой Севера, созданной при Госплане для разработки планов освоения северных районов. Вся его последующая многолетняя карьера была связана с этим регионом.

На первый взгляд, профессиональный путь Славина выглядит более чем успешным – на протяжении почти пятидесяти лет он возглавлял головные центры исследования и планирования экономики советского Севера, благодаря чему был одним из наиболее влиятельных специалистов в своей области. Однако сравнение «истории академического успеха», описанной в его биографических текстах, с другими источниками вскрывает ряд важных лакун, которые позволяют объяснить изменения содержания его научной деятельности. Как будет показано ниже, смена мест работы, а также инициатива организации Комиссии по проблемам Севера в 1954 г. были не просто частью его карьерного роста, но в первую очередь – следствием перемен в советском политическом и научном контексте в 1930–1950-е гг.

С 1932 г. он был одним из главных сотрудников важнейших центров, связанных с освоением ресурсов Крайнего Севера, одновременно занимая должность заместителя руководителя Сектора размещения производительных сил СССР и Совета по изучению и освоению Севера при Госплане СССР. В этой должности Славин стоял у истоков создания Главного управления Северного морского пути (далее – ГУСМП или Главсевморпуть), в 1932 г. став членом комиссии по его организации (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 36. Л. 88). Важно понимать, что функциями ГУСМП были не только перевозки вдоль арктического побережья, но и освоение прибрежной территории, осуществление торговли и заготовительной деятельности на Крайнем Севере (Положение о Главном Управлении... 1936). Таким образом, ГУСМП в 1930-е гг. было одним из наиболее влиятельных и властных институтов, сосредоточивших в одних руках огромные финансовые, промышленные и людские ресурсы. Славин, будучи представителем Госплана в ГУСМП, играл в этом далеко не последнюю роль, придавая экономическую обоснованность действиям Главсевморпути (Славин 1988: 181).

В 1937 г. он неожиданно покидает Госплан СССР, но спустя год возглавляет только что созданное Бюро экономических исследований при ГУСМП (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 88. Л. 24). Резкая смена научных учреждений, судя по всему, была связана с угрозой ареста. Редких ученых, начавших карьеру в центральных советских учреждениях в начале 1930-х гг., обошли стороной репрессии. Не исключением была и семья Славиных. В 1937 г. за неосторожное упоминание Троцкого на политических занятиях в адвокатской коллегии был осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей отец Славина Венедикт Григорьевич, но при активном содействии его сыновей, занимавших высокие посты в Москве и

Ленинграде, приговор пересмотрели и в том же году он вышел на свободу (Славина 2006). Однако всего через месяц после этого был арестован старший брат С.В. Славина Илья (1883–1938), юрист, профессор Института советского строительства и права Коммунистической академии в Ленинграде, и в 1938 г. он был расстрелян. Как писала позднее его дочь Ида Ильинична в своих мемуарах, после известий об аресте брата Самуил наглухо отгородился от родственников, поскольку именно из-за арестов отца и брата в 1937 г. его уволили из Госплана. Однако вскоре свою роль сыграло заступничество знаменитого полярника И.Д. Папанина, с которым Славин сохранял дружеские отношения, поскольку именно при его содействии в 1938 г. было создано Бюро экономических исследований при ГУСМП, которое возглавил Славин (2006).

Спустя несколько лет Бюро было реорганизовано в Экономическое отделение Арктического научно-исследовательского института (АНИИ), куда перешел и С.В. Славин, возглавив его в 1945 г. (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 88. Л. 18). Однако в 1947 г. он в очередной раз меняет место работы. Судя по архивным документам, причиной этого также стала угроза репрессий: в 1946 г. в отношении него было создано две комиссии, производившие расследование по письмам его коллеги А.А. Храпалы. Одно письмо было отправлено на имя И.В. Сталина, второе – в ЦК ВКП(б). Как писал Славин в письме И.Д. Папанину, «в обоих письмах Храпаль выдвигает против меня ряд клеветнических обвинений: в травле его, Храпалы и др.» (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 88. Л. 9). В результате служебное расследование по делу Славина длилось два месяца, и только в июле 1946 г. обвинения в его адрес были сняты. Однако расследовавшая дело комиссия предложила отстранить Славина от должности начальника Московского филиала АНИИ, с чем, вероятно, и был связан его переход в Институт экономики Академии наук СССР в 1947 г., где он вскоре возглавил Сектор экономики Севера.

Научные работы Славина этого периода свидетельствуют, что неоднократные угрозы репрессий сформировали у него очень аккуратное следование колебаниям партийного курса. По ряду высказываний можно судить о том, что в сталинские годы он был классическим научным функционером, тщательно действовавшим в рамках существовавшей системы ценностей. Любые неудачи освоения советского Севера в 1930-е гг. он списывал на вражеские выходы, объясняя их тем, что «только наличием зазнайства и самоуспокоенности среди работников Главсевморпути, а также вредительством пробравшихся в Главсевморпуть врагов народа объясняются неудачи навигации 1937 г., когда во льдах Арктики зазимовал ряд ледокольных и транспортных судов» (Славин 1939: 30). Таким образом, став авторитетным специалистом по развитию Севера еще в 1930-е гг., С.В. Славин до 1950-х гг. был весьма осторожен в высказываниях. Только в период Оттепели ха-

рактик его выступлений изменяется: он начинает активно предлагать новые принципы освоения советского Севера, формулируя собственную концепцию региона.

Создание Комиссии по проблемам Севера

Профессиональная деятельность Славина с 1950-х гг. была связана с Комиссией по проблемам Севера Совета по изучению производительных сил – первым координационным центром северных исследований при Академии наук и Госплане СССР. Причин для создания нового центра северных исследований в 1954 г. было несколько. Во-первых, в середине 1950-х гг. происходит институциональная реорганизация арктических исследований. В сталинское время одним из наиболее влиятельных институтов, занимавшихся освоением арктических районов, был Главсевморпуть, в задачи которого, помимо прочего, входило изучение ресурсов северных районов и их освоение, развитие промышленности, строительство портовых сооружений. Однако в 1953 г. ГУСМП было переведено из ведения Совета министров СССР в Министерство морского транспорта СССР. Таким образом, Главсевморпуть превратился лишь в транспортную организацию, что поставило под вопрос продолжение исследований материкового Крайнего Севера. Во-вторых, после смерти Сталина начинает реформироваться система Гулаг, которой ранее принадлежали крупнейшие северные промышленные центры и поселения (Широков 2014; Barenberg 2014; Hardy 2016). В результате изменился не только социальный состав полярных поселений, куда ежегодно стали приезжать сотни новых работников со всей территории СССР, но и принципы управления и изучения региона. К примеру, если раньше геологической разведкой на Крайнем Севере занимались службы Главсевморпути, Дальстроя и других организаций, то после их расформирования необходимо было искать новые институты для изучения экономического развития региона в изменившихся условиях.

Сами ученые также отмечали, что по сравнению с «арктическим бумом» 1930-х, когда Академия наук играла большую роль в освоении Арктики, к 1950-м гг. изучение природных ресурсов северных районов было отодвинуто на задний план, существующие исследовательские работы не координировались, проводились разрозненно и без единого замысла (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 58. Л. 60). Все это остро ставило вопрос о поиске новых форм управления, планирования и изучения Крайнего Севера в 1950-е гг. Попытки создать подобный координационный совет исследований северных районов в рамках Академии наук СССР (далее – АН СССР или Академия) были и раньше. Еще в 1951 г. профессор Б.А. Тихомиров предлагал создать Комитет по делам Севера при Президиуме АН СССР, состоящий из представителей различных

институтов. Однако этот пункт в то время не был утвержден. Как позднее говорил Тихомиров, «казалось, вот-вот Север заблестит, а в результате – похоронили (идею)» (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 58. Л. 51).

Ситуация изменилась спустя всего два года, и ведущую роль в организации Комиссии сыграл уже С.В. Славин. В декабре 1953 г. он адресовал председателю Совета министров СССР Г.М. Маленкову докладную записку, в которой отмечал, что «вопросы комплексного развития районов Севера никем не разрабатываются, что ведет к большим потерям в народном хозяйстве, которые практически не учитываются» (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 36. Л. 256). Для исправления этого Славин предлагал поручить АН СССР заниматься указанными вопросами, для чего необходимо организовать специальный отдел, где были бы сконцентрированы все работы Академии наук в области Севера. Параллельно с этим он предоставил президенту Академии наук А.Н. Несмеянову проект предложений об организации исследований районов Севера. Как вспоминал позднее он сам, после отправки докладной записки он был вызван для «обстоятельной беседы по существу» к Управляющему делами Совета министров СССР А.В. Коробову, после чего его записка была доложена руководству Совета министров (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 36. Л. 256).

В мае 1954 г. с подачи Славина при Президиуме АН СССР состоялась важная дискуссия о перспективах создания центра исследований Севера. Материалы этой дискуссии проливают свет на то, какую роль отводили ученые и чиновники изучению Севера в системе организации советской науки и экономики в середине 1950-х гг. Так, несмотря на то, что никто из участников не сомневался в необходимости усиления работ по изучению региона, вопрос институциональной принадлежности будущей комиссии был решен не сразу. Часть выступавших высказались за то, чтобы комиссия была частью Совета по изучению производительных сил АН СССР (далее – СОПС), что обеспечило бы тесную связь между «кабинетной» и «полевой» наукой. Б.А. Тихомиров эмоционально отмечал: «толку не будет, если люди, сами работающие, сами спящие в мешках, сами чувствующие холод Севера, не возьмутся за это дело. Все институты ведут исследования Севера кустарно, примитивно и главным образом за счет энтузиазма и не больше. <...> Нужно сделать акцент на коренной поворот к проблемам Севера институтов Академии наук» (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 58. Л. 53).

Почти все участники дискуссии признавали, что к 1950-м гг. внимание Академии наук к изучению Севера ослабло, работа была основана исключительно на личном энтузиазме, многие кадры или «расползлись по югу», или занимались другими вопросами. Поэтому создание Комиссии по проблемам Севера при СОПСе или Президиуме Академии наук позволило бы вернуть тему арктических исследований в центр

научной жизни. Более того, звучали предостережения, что вне Академии комиссия легко может стать обычным бюрократическим институтом, чиновничьим аппаратом и «пустой говорильней» (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 58. Л. 43, 68). В то же время подчинение Комиссии Академии наук осложняло бы поиск финансирования и снабжения. Организация экспедиций и исследований требовала большого количества ресурсов и ни одно академическое учреждение не могло самостоятельно себе этого позволить. К примеру, необходимыми транспортными средствами на местах обладали только различные ведомства, которые непосредственно Академии Наук, осуществляющей экспедиции, ничем не обязаны (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 58. Л. 46).

Альтернативным вариантом была идея организовать комиссию по Северу не при Академии наук, а непосредственно при Госплане. Главным аргументом в данном случае был вопрос влияния будущей комиссии: сторонники «госплановского» варианта опасались, что в Академии наук она бы имела только консультативное значение, не обладая распорядительными функциями, в лучшем случае, собирая пожелания и вставляя их в планы исследовательских работ в качестве дополнительных тем (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 58. Л. 39). Иными словами, у комиссии не было бы возможности обязать какое-либо ведомство выполнить необходимую работу, в то время как решения представителей Госплана оказывались бы практически обязательными к исполнению.

В целом во всей дискуссии в Президиуме АН СССР в 1954 г. прослеживается проводимое участниками четкое разграничение между влиятельными, но безразличными к результату чиновниками и учеными, болеющими за изучение и развитие Севера, но не обладающими для этого необходимыми ресурсами. В то же время ответственность за организацию нового исследовательского центра ни один институт брать на себя не собирался: представители всех институтов Академии эмоционально признавали необходимость увеличения работ по исследованию Севера, диспропорцию внимания к морям Арктики и материковой полярной части, но заявляли о невозможности повысить научно-исследовательские планы работ своего института, мотивируя это недостатком кадров или финансирования. Даже по последующей переписке между представителями Госплана СССР и Академии наук становится очевидным, что, признавая разрозненность и недостаточность существующих исследований и необходимость создания специальной руководящей комиссии, ни одна организация не стремилась брать на себя столь большие обязательства и, следовательно, расходы (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 36. Л. 256–258).

В результате обсуждений в конце 1954 г. был достигнут компромисс: Комиссия по проблемам Севера была создана при Президиуме Академии наук СССР, а в 1958 г. переведена в состав СОПС АН СССР.

В нее вошли 47 представителей различных научных институтов и филиалов Академии наук, учреждений и ведомств, а также представитель Госплана для придания ей авторитетности и действенности. Поскольку деятельность СОПС по изучению ресурсного потенциала была тесно связана с задачами индустриализации, организованная при ней межведомственная Комиссия по проблемам Севера не только имела большой вес в научной среде, но и влияла на практическое освоение региона. Она стала важным связующим элементов между Академией и Госпланом СССР. С одной стороны, ее сотрудники на основе многочисленных экспедиций проводили комплексные исследования ресурсного потенциала Крайнего Севера. С другой стороны, тесная связь с вопросами развития промышленности, а также институциональная близость с Госпланом делала Комиссию по проблемам Севера влиятельным институтом, который не только формулировал, но и влиял на внедрение новых принципов экономического развития Севера. Комиссия занималась систематическим изучением природных ресурсов и производительных сил Севера и Северо-Востока СССР, в ее задачи входили направление и координация научно-исследовательских работ, расширение исследований, контроль выполнения поручений научными учреждениями. С 1958 г. она стала издавать журнал «Проблемы Севера», который объединял на своих страницах ученых и специалистов различных дисциплин, занимавшихся вопросами изучения арктического региона, и стал основным научным периодическим изданием по этой тематике.

Изначально С.В. Славин входил в состав Бюро Комиссии, но уже в скором времени был назначен заместителем председателя, а в 1962 г. – председателем Комиссии, преобразованной в Межведомственную комиссию по проблемам Севера СОПС при Госплане СССР. Благодаря этому преобразованию Комиссия стала координационным центром не только для институтов, ассоциированных с Академией наук, но и для многочисленных ведомств и организаций, связанных с развитием промышленности, строительства и другими практическими вопросами, что сделало статус ее сотрудников еще более авторитетным. На протяжении нескольких десятилетий Славин участвовал в многочисленных конференциях, посвященных обсуждению принципов освоения Крайнего Севера, писал монографии и научно-популярные книги, в том числе на английском языке, публиковал статьи в научных изданиях и периодической печати. Он вел обширную переписку со специалистами по арктическому и северным районам, координировал общение советских специалистов с иностранными исследователями, занимался организацией визитов международных делегаций. Таким образом, будучи почти бессменным руководителем Комиссии по проблемам Севера, Славин с 1950-х гг. стал одним из наиболее влиятельных специалистов по экономическому освоению северных районов СССР. Его высокий статус и

административный вес позволили ему сформулировать и утвердить новый взгляд на Советской Север во второй половине XX в.

Формирование новой концепции северных районов СССР

Работы С.В. Славина периода Оттепели заметно отличаются от более ранних трудов своим критическим характером. До 1950-х гг. он, как и большинство его коллег, прославлял действия советского правительства по освоению Крайнего Севера, отмечая, что «за годы Сталинских пятилеток коренным образом изменена уродливая география размещения промышленности, доставшаяся нам в наследство от царской России» (Славин 1939: 25). Но уже с середины 1950-х гг. он не столько описывал достигнутые успехи, сколько указывал на существующие недостатки и предлагал пути решения проблем.

Одна из главных черт работ Славина в 1950–1970-е гг. – это попытка обосновать особое положение Севера, отличное от всех других регионов, а также его исключительную роль для страны. Будучи доктором экономических наук, Славин больше всего интересовался перспективами транспортного освоения, поэтому в большинстве работ он рассматривал Север максимально широко и формулировал принципы его развития как единого региона (Славин 1961; Славин 1972; Славин 1975). Почти во всех своих статьях и выступлениях он настаивал на неразрывной связи между освоением Севера и экономическим развитием всего СССР: «ныне уже не вызывает сомнений то положение, что освоение ресурсов зоны Севера – одно из важнейших условий непрерывного роста производительных сил нашей страны» (Славин, Догаев 1972: 5). Одним из следствий такого широкого подхода к Северу была критика существовавшей системы управления промышленностью. Экономическое планирование в эти годы производилось по отраслям производства и по экономико-административным районам. При таком подходе районы освоения Севера входили в состав сразу нескольких административно-экономических районов. Координация между ответственными ведомствами и экономическими организациями была крайне слабой, что приводило к срывам планов или серьезным потерям (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 17. Л. 169).

В противовес этому Славин с 1950-х гг. активно предлагал перейти к единому экономическому управлению регионом. Он отмечал, что северные районы, несмотря на их административную разделенность и внутреннюю неоднородность, существенно отличаются от других по экономико-географическим показателям. С одной стороны, предложенный им способ районирования не был инновационным: первые российские труды по экономическому районированию появились еще в XIX в., однако они носили лишь теоретический характер (Саргасян

2015). Позднее под руководством председателя Госплана Г.М. Кржижановского территория СССР была поделена на 21 экономический район. Однако в то время северные территории были составной частью сразу нескольких районов. Развивая идеи экономического районирования, Славин утверждал, что северные районы должны быть выделены как единый объект управления и развития производительных сил (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 17. Л. 167, 170). Обосновывалось это также тем, что совнархозы соседних «северных» областей не хотят согласовывать свои планы и стремятся отгородиться друг от друга, что усложняло экономическое регулирование (Славин 1958: 4). Таким образом, Славин с 1950-х гг. стал формулировать концепцию Севера как единого, хоть и неоднородного экономического и административного региона, призывая к комплексному управлению без меридионального деления. Его последующая переписка проливает свет на серьезность затеи: так, в середине 1970-х гг. он неоднократно обращался с письмами в Госплан РСФСР, в Центральную Ревизионную комиссию КПСС и в 1980-е даже к генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву с предложением создать более влиятельный центр изучения Севера – Комиссию при Совете министров РСФСР и вхождением в ее состав представителей министерств и ведомств, ведущих работу на Севере (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 60. Л. 41, 57, 90). Несмотря на то что эта инициатива не получила продолжения, она свидетельствует о том, что вплоть до последних лет жизни Славин пытался усилить внимание к Северу как к особому региону.

Следующим важным теоретическим нововведением С.В. Славина стал его новаторский для своего времени подход к определению границ и существенных характеристик советского Севера. Проведение четких границ региона до сих пор является дискуссионным в различных дисциплинах: Крайний Север может определяться как зона распространения вечной мерзлоты, как место проживания коренных малочисленных народов либо по показателям летней изотермы, как территория распространения «северных» льгот и т.д. (Тараканов 2010). Однако вместо формулировки очередных четких критериев Славин стал формулировать конструктивистский подход к определению границ, даже в своей докторской диссертации постулируя, что «определение границ изучаемого района находится в зависимости от целей исследования и включает элемент условности» (Славин 1957: 7). Поскольку для него Север являлся не просто географической, а, в первую очередь, природно-экономической территорией, то и границы региона он предлагал определять по совокупности критериев освоенности в сравнении с центральными регионами страны. Он выделял несколько критериев отношения к зоне Севера: 1) северное расположение относительно старообжитых и географически развитых районов страны; 2) суровые природ-

ные условия, затрудняющие развитие сельскохозяйственной деятельности и создание многих отраслей промышленности, что в свою очередь влияет на слабую заселенность территории; 3) слабое развитие транспортной сети на огромных пространствах; 4) повышенные затраты труда по сравнению с южными районами (Славин 1979: 2). Заметно, что особенность Севера в данном случае определялась в сравнении с более южными и развитыми регионами. Более того, такой подход подразумевал, что промышленное продвижение в северные широты постепенно сокращало бы зону Севера, поскольку уровень инфраструктурного развития населенных мест постепенно уравнивался с центральными городами. Таким образом, Славин постулировал, что для каждого периода границы Севера были динамичными, поскольку со временем регион все больше осваивался и, следовательно, сокращался. Для разграничения степени освоенности региона он предлагал условно делить его на «ближний» и «дальний» Север, граница между которыми также определялась степенью освоенности и была изменчивой.

Третье важное дополнение к концепции Севера, появившееся в его работах в середине 1950-х гг., – повышенное внимание к «человеческому измерению» региона. В 1940-е гг. освоение Севера рассматривалось исключительно через призму развития производительных сил и транспорта. В текстах об освоении полярных широт в то время практически не говорилось о приезде населения, о необходимости создания приемлемых городов в полярных условиях. Основное внимание было уделено исключительно вопросам промышленности, которая являлась главным и едва ли единственным признаком вовлечения в «цивилизацию» ранее пустовавших полярных районов. Вопросы населения Крайнего Севера поднимались только в связи с положением коренных народов Севера, однако не обсуждались широко экономическими географами.

Однако в 1950-е гг. вследствие постепенного расформирования системы лагерей и создания новых промышленных центров силами тысяч добровольных мигрантов, приезжавших по комсомольским путевкам или самостоятельно на строительство новых объектов, материальная и социальная среда арктических поселений кардинально изменилась. На не обжитых ранее территориях с суровыми природными условиями возникло несколько сотен городов и рабочих поселков, население которых составляли в основном приезжие из более южных районов. Именно в период Оттепели эти новые города, заводы, электростанции стали широко освещаемыми символами современности, которые транслировала советская власть на всю территорию, включая наиболее суровые северные районы (Вайль, Генис 2013: 97–104). В то же время условия жизни в новых северных городах были настолько далеки от приемлемых, что неудовлетворенность новым местом провоцировала массовую

обратную миграцию населения, а также появление резкой критики условий жизни среди новоприбывших (Калеменева 2017).

Будучи руководителем главного координационного центра исследований Севера, Славин быстро реагировал на подобное изменение повседневной среды региона, во всех своих работах уделяя особое внимание вопросам организации необходимых условий жизни для работников полярного региона. Более того, он стал призывать к необходимости создания на Севере более высокого уровня жизни населения, чем в среднем по стране, чтобы компенсировать тем самым трудные природные условия. В некоторых его популярных статьях это требование формулировалось в характерных романтичных тонах: «...покорителям севера, число которых все время пополняется энтузиастами со всех концов нашей необъятной Родины, должны быть созданы благоприятные условия жизни, помогающие преодолеть трудности Севера» (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 17. Л. 93). Особой критике подвергались вопросы использования неприспособленной техники для северных условий, неучет природной специфики при строительстве полярных городов, расточительное и нерациональное использование финансов и других ресурсов. Таким образом, он начал проблематизировать необходимость особых подходов не только к экономике северных районов, но и для создания комфортной среды для населения. Казалось бы, это сильно выходило за рамки его компетенций как советского экономического географа, ответственного за разработку схемы размещения производительных сил в регионе. Но в то же время для вышестоящих инстанций он нередко обосновывал эти предложения именно в экономических категориях. К примеру, в письме в Политбюро ЦК КПСС «О мерах по ускорению темпов и повышению эффективности развития производительных сил районов севера СССР» он объяснял важность обеспечить опережающий уровень жизни для населения районов Севера в сравнении с другими частями страны необходимостью снижения текучести кадров и привлечения квалифицированных специалистов, а также для того, чтобы «компенсировать дискомфорт, вызванный суровыми климатическими условиями Севера и повышенные затраты на продовольствие и теплую одежду» (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 60. Л. 31).

В процитированном фрагменте обращает на себя внимание аргументация: необходимость особой заботы о населении на Севере объяснялась не столько гуманистическими причинами, сколько экономическими расчетами. Это имело под собой определенные основания, ведь освоение и строительство на Севере были крайне дорогостоящими. Во-первых, сложность строительства в условиях вечной мерзлоты, длительные отрицательные температуры (до 9–10 месяцев в год), удаленность от других индустриальных центров, сложности снабжения, крайняя малонаселенность территории и высокие затраты на труд являлись

основными факторами, которые приводили к многократному удорожанию освоения Севера по сравнению со средними широтами. Во-вторых, много средств выделялось на так называемые северные льготы, которые выступали основным инструментом привлечения новой рабочей силы на северные стройки. В-третьих, большая текучесть кадров и сложность привлечения квалифицированных специалистов приводили к увеличению затрат на поиск новых работников. В результате освоение Севера обходилось в несколько раз дороже по сравнению со средними широтами. Поэтому в приведенной выше цитате Славин старался обосновать, что создание комфортной среды в городах поможет решить проблему с обратной миграцией специалистов и в конечном итоге обойдется дешевле, чем постоянные траты на северные льготы.

Из постулирования особого положения Севера Славин выводил необходимость новых методов и принципов его освоения, отличных от применяемых в других районах. В своих работах и письмах в вышестоящие инстанции он много писал о необходимости разработки и создания специальных машин «в северном исполнении», о выборочном («оазисном») характере освоения ресурсов, о важности создания комфортных условий для населения северных городов, о необходимости исследований в области акклиматизации приезжих, что в конечном итоге должно было влиять на их работоспособность, и обо многом другом. Таким образом, если раньше экономисты описывали Крайний Север исключительно через призму его ресурсного потенциала, то с середины 1950-х гг. Славин из тезиса об «особости» Севера выводил необходимость повышенного внимания к населению и создания надлежащего уровня комфорта в регионе.

В то же время кричный тон Славина был направлен только на современные ошибки, но не на исторические страницы. К примеру, говоря об освоении севера в 1930-е гг., Славин ни словом не упоминал о сотнях лагпунктов в полярном регионе, а уклончиво писал об «особых формах и методах управления процессом освоения» в те годы – промышленно-транспортных комбинатах, возникновение которых якобы объективно обусловлено специфическими условиями региона (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 17. Л. 19). Однако по тому, каким образом Славин описывает эти комбинаты, становится очевидным, что за общим понятием скрывается система лагерей Гулаг. Несмотря на то, что в годы Оттепели он уклончиво отмечал, что «в этой области многое <...> является наследием времен культа личности Сталина, когда на Севере не считались с затратами труда» (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 22. Л. 230), закрытие комбинатов в 1950-е гг. он также объяснял объективными причинами, говоря, что такие формы носят исторический характер и применимы только в начальный период освоения региона.

Может возникнуть закономерный вопрос о степени влияния деятельности Комиссии по проблемам Севера и распространенности подобной концепции освоения региона. Оценить ее влияние можно хотя бы по последующей организационной деятельности Комиссии и институциональным трансформациям в поле исследований Севера. Так, уже в 1957 г. Комиссии было поручено разработать гипотезу развития производительных сил Севера СССР (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 36. Л. 345). Славин стал одним из основных ее разработчиков, формулируя в ней свое понимание Севера. В последующие несколько лет Комиссией были проведены первые широкие научные совещания по проблемам развития производительных сил: в 1957 г. в Петропавловске-Камчатском, в 1958 г. в Якутии и в 1959 г. в Магадане, что способствовало лучшей консолидации различных специалистов-североведов, а также распространению концепции освоения Севера, сформулированной Славиным. Когда в 1960 г. СОПС перешел в систему Госплана, он стал головным институтом в территориально-экономических исследованиях и его работа была сосредоточена на разработке Генеральных схем развития и размещения производительных сил СССР. С конца 1960-х гг. обязательным условием согласования и утверждения титульных списков капитального строительства, реконструкции и расширения предприятий стало получение по ним заключений СОПС как головной организации по размещению производительных сил. Все это позволяло требовать выполнения сформулированных Славиным принципов от подотчетных инстанций.

Более того, после организации Комиссии по проблемам Севера при СОПС вопрос усиления исследований освоения Севера был выведен на новый уровень, что способствовало появлению новых специализированных отделов и институтов или целых полей исследования. Так, в 1956 г. был организован особый Сектор градостроительства на Севере при Ленинградском филиале Академии строительства и архитектуры СССР, в задачи которого входили разработка новых принципов строительства и поиск новых материалов для Крайнего Севера. Архитекторы и инженеры из этого Сектора вели активную переписку со Славиным, публиковали свои проекты «городов с улучшенным микроклиматом» для полярных широт на страницах «Проблем Севера». В декабре 1958 г. была создана Постоянная комиссия по акклиматизации человека и краевой патологии на Крайнем Севере, которая тесно сотрудничала с Комиссией по проблемам Севера (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 36. Л. 345). Ссылки на труды Славина и его определение Севера встречались как в работах его современников, так и в современных исследованиях (Тараканов 2010). Как вспоминал его коллега по Комиссии Г.А. Агранат, «...во времена Славина была достигнута совершенно необходимая для Севера координация средств и усилий. Ничего даже близкого по эффективности работавшей тогда <...> Комиссии сейчас нет» (Агранат 2007: 13).

***

Проанализировав профессиональную деятельность С.В. Славина, его нельзя назвать революционером в своей научной области. Анализ эволюции его взглядов и траекторий деятельности показывает, что колебания его профессионального курса зачастую находились в общем русле общеполитических изменений на протяжении XX в. Однако это не умаляет его заслуг в формировании новой концепции освоения советского Севера в послесталинское время. Созданная по его инициативе Комиссия по проблемам Севера СОПС определяла принципы освоения и вектор развития северного региона во второй половине XX в., выводя эту проблему на высший уровень.

Во-первых, само создание Комиссии по проблемам Севера в 1954 г. свидетельствует о важном институциональном изменении в системе изучения советского Севера. После закрытия системы трудовых лагерей она стала первым открытым координационным центром, связывающим разнообразные научные учреждения в центре и на Севере, плановые инстанции и промышленные ведомства для выработки схем рационального освоения региона.

Во-вторых, за несколько десятилетий активной публикационной работы Славину удалось сформулировать новый взгляд на Север как на единый регион, отличный от более южных частей страны. С.В. Славин на своей руководящей должности был ответственным за разработку рациональных и эффективных с экономической точки зрения принципов освоения севера. В то же время в своих многочисленных работах основной акцент при аргументации предложений он делал не только на экономических, но и на гуманистических принципах – необходимость создания благоприятной среды для человека на Севере. Он стал описывать Север не просто как богатый ресурсами экономический регион, в котором необходимо развивать промышленность, но и как место работы и проживания тысяч людей, для которых необходимо создавать комфортные условия. В настоящее время эта концепция может звучать как очевидное высказывание, но ее историзация показывает, что она появилась и утвердилась как в научной литературе, так и в массовых источниках именно в период Оттепели.

Литература

- Агранат Г.А.* Экономико-географический анализ проблем развития северной периферии // Север: проблемы периферийных территорий / отв. ред. В.Н. Лаженцев. Сыктывкар, 2007. С. 7–20.
- Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М.: Corpus, 2013.
- Витязева В.А., Котырло Е.С.* Социально-экономическое развитие Российского и зарубежного Севера. Сыктывкар: СыктГУ, 2007.

- Голдин В.И. Арктика в международных отношениях и геополитике в XX – начале XXI века: вехи истории и современность // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2. С. 22–34.
- Калеменева Е. Политика освоения Крайнего Севера и критика жизненных условий арктических городов в нарративах хрущевского времени // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 1. С. 153–170.
- Коровин В.П. История исследования и освоения Арктики. СПб.: РГГМУ, 2013.
- Положение о Главном Управлении Северного Морского Пути при СНК Союза ССР: утв. постановлением СНК СССР от 22.06.1936 № 1100 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР (СЗ СССР). 1936. № 36. Ст. 3176.
- Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 746. Оп. 1. Д. 17.
- РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 22.
- РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 36.
- РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 58.
- РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 60.
- РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 88.
- Рожанский М. «Оттепель» на Сибирском морозе. Устная история ударных строек // Отечественные записки. 2012. № 5 (50). С. 184–206.
- Саргасян А.А. Экономическое районирование России: история и хозяйственное значение // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2015. № 3 (42). С. 161–166.
- Славин С.В. Природные ресурсы Севера в народном хозяйстве СССР. М.: Знание, 1975.
- Славин С.В. Проблемы развития магистрального транспорта в связи с промышленным освоением природных ресурсов советского Севера: автореф. дис. ... д-ра экон. наук / Акад. наук СССР. Ин-т экономики. М., 1957.
- Славин С.В. Проблемы хозяйственного освоения северных территорий на востоке РСФСР. М.: б.и., 1979.
- Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М.: Изд-во экон. лит-ры, 1961.
- Славин С.В. Районный разрез плана второй пятилетки и концепция освоения Севера // Страницы памяти. О планах, планировании и планировщиках. М., 1988. С. 181–195.
- Славин С.В. Северный морской путь в Третьей пятилетке // Советская Арктика. 1939. № 5. С. 25–37.
- Славин С.В. Северо-Восток Советского Союза как новый формирующийся экономический район. Доклад на секции районных и международных комплексных проблем. М.: б.и., 1958.
- Славин С.В. Советский Север. М.: Просвещение, 1972.
- Славин С.В., Догаев Ю.М. Развитие производительных сил Севера и проблемы регионального научно-технического прогресса // Проблемы Севера. 1972. Вып. 17. С. 5–20.
- Славина И.И. Тоненький нерв истории. (США). 2006. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=13089> (дата обращения: 25.05.2017).
- Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Тараканов М.А. Эволюция пространственной локализации понятий «Крайний Север» и «Север» в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 28. С. 32–41.
- Тимошенко А.И. Арктика – национально значимая территория: опыт российского освоения в XX столетии // Горные ведомости. 2014. № 11. С. 92–99.
- Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока СССР. 1930–1950-е гг. М.: РОССПЭН, 2014.

- Barenberg A.* Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta. New Haven, 2014.
- Bruno A.* Industrial Life in a Limiting Landscape: An Environmental Interpretation of Stalinist Social Conditions in the Far North // *International Review of Social History*. 2010. № 55 (18). P. 153–174.
- Bruno A.* The Nature of Soviet Power. An Arctic Environmental History. New York: Cambridge University Press, 2016.
- Hardy J.S.* The Gulag after Stalin. Redefining punishment in Khrushchev's Soviet Union. Cornell University Press, 2016.
- Josephson P.R.* The Conquest of the Russian Arctic. Harvard University Press, 2014.
- McCannon J.* Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union 1932–1939. New York and Oxford: Oxford University Press, 1998.
- Narrating the Arctic: a Cultural History Of Nordic Scientific Practices / ed. by M. Bravo and S. Sörlin. Canton, Massachusetts, 2002.
- Pey-Yi Chu* Mapping Permafrost Country: Creating an Environmental Object in the Soviet Union, 1920s–1940s // *Environmental History*. 2015. № 20 (3). P. 396–421.
- Spring U.* Between Spectacle and Science: The Aurora in Central Europe, 1870s – 1880s // *Acta Borealia*. 2012. Vol. 29 (2). P. 197–215.
- Science, Geopolitics and Culture in the Polar Region. Norden Beyond Borders / ed. by S. Sörlin. Farnham, UK: Ashgate 2013.

Статья поступила в редакцию журнала 18 января 2018 г.

Kalmeneva Ekaterina A.

MODELS OF THE SOVIET NORTH DEVELOPMENT IN THE 1950S: THE CASE OF COMMISSION ON ISSUES OF THE NORTH*

DOI: 10.17223/2312461X/20/10

Abstract. The article analyses institutional changes in economic research on the Soviet North in the mid-1950s due to which the concept of USSR northern territories itself changed. Through the case of Commission on Issues of the North (operating under control of Council for the Study of Productive Potential at the USSR Academy of Sciences) and the activity of its head Samuil V. Slavin, the article discusses the reasons for and mechanisms of changing the principles of development of the Soviet North in the aftermath of Stalin's rule. The Commission became the main centre coordinating work of different scientific institutions, both in the centre and the periphery, as well as planning institutions and industrial agencies, on elaborating new schemes of development of the North without compulsory labour. Drawing on the publications by Samuil V. Slavin and previously unstudied archival materials, the article shows how, beginning from the mid-1950s, Slavin started to devise a new concept of the Soviet North, shifting emphases from industrial development to creation of comfortable living conditions for people in the North.

Keywords: Soviet North, Samuil V. Slavin, Commission on Issues of the North, USSR Academy of Sciences, the USSR Thaw period

* The research is done with support from Russian Science Foundation (grant No. 16-18-10255).

References

Agranat G.A. Ekonomiko-geograficheskii analiz problem razvitiia severnoi periferii [An economic and geographical analysis of development issues in the northern periphery]. In:

- Sever: problemy periferiinykh territorii* [The North: issues of peripheral territories]. Ed. by V.N. Lazhentsev. Syktyvkar, 2007, pp. 7-20.
- Vail' P., Genis A. *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [The 1960s. The Soviet person's world]. Moscow: Corpus, 2013.
- Vitiazeva V.A., Kotyrla E.S. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rossiiskogo i zarubezhnogo Severa* [The social and economic development of the Russian and non-Russian North]. Syktyvkar: SyktGU, 2007.
- Goldin V.I. *Arktika v mezhdunarodnykh otnosheniakh i geopolitike v XX – nachale XXI veka: vekhi istorii i sovremennost'* [The Arctic in international relations and geopolitics in the 20th to the early 21st centuries: history and present time], *Vestnik Pomorskogo universiteta*. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2011, no. 2, pp. 22–34.
- Kalmeneva E. *Politika osvoeniia Kraïnego Severa i kritika zhiznennykh uslovii arkticheskikh gorodov v narrativakh khrushchevskogo vremeni* [Developing the Far North: policies and the critique of living conditions in arctic cities in narratives of the Khrushchev period], *Quaestio Rossica*, 2017, Vol. 5, no. 1, pp. 153–170.
- Korovin V.P. *Istoriia issledovaniia i osvoeniia Arktiki* [A history of research on and development of the Arctic]. St. Petersburg: RGGMU, 2013.
- Polozhenie o Glavnom Upravlenii Severnogo Morskogo Puti pri SNK Soiuza SSR: utv. postanovleniem SNK SSSR ot 22.06.1936 № 1100 [Regulations on the Head Department of the Northern Sea Route operating under control of the USSR Council of People's Commissars, adopted by Decree of the USSR Council of People's Commissars dated 22.06.1936 No. 1100]. In: *Sobranie zakonov i rasporiazhenii Raboche-Krest'ianskogo Pravitel'stva SSSR (SZ SSSR)* [The collection of the USSR Workers and Peasants Government laws and regulations], 1936, no. 36, art. 317b.
- Russian State Archive of Economics (RGAE) F. 746, In. 1, C. 17.
- RGAE F. 746, In. 1, C. 22.
- RGAE F. 746, In. 1, C. 36.
- RGAE F. 746, In. 1, C. 58.
- RGAE F. 746, In. 1, C. 60.
- RGAE F. 746, In. 1, C. 88.
- Rozhanskii M. «Ottepel'» na Sibirskom moroze. Ustnaia istoriia udarnykh stroek [The Thaw period in the Siberian cold], *Otechestvennye zapiski*, 2012, no. 5 (50), pp. 184-206.
- Sargsian A.A. *Ekonomicheskoe raionirovanie Rossii: istoriia i khoziaistvennoe znachenie* [Economic zoning of Russia: history and economic value], *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologii*, 2015, no. 3 (42), pp. 161-166.
- Slavin S.V. *Prirodnye resursy Severa v narodnom khoziaistve SSSR* [Natural resources of the North in the USSR economy]. Moscow: Znanie, 1975.
- Slavin S.V. *Problemy razvitiia magistral'nogo transporta v sviazi s promyshlennym osvoeniem prirodnnykh resursov sovetskogo severa: Avtoreferat dis. na soiskanie uchen. stepeni doktora ekon. nauk* [The issues of developing main transport and communications during industrial development of natural resources of the Soviet North: a summary of a dissertation for the degree of 'Doctor of Sciences (Economics)']. Moscow: Akad. nauk SSSR. In-t ekonomiki, 1957.
- Slavin S.V. *Problemy khoziaistvennogo osvoeniia severnykh territorii na vostoke RSFSR* [Problems of economic development of northern territories in the east of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Moscow, 1979.
- Slavin S.V. *Promyshlennoe i transportnoe osvoenie Severa SSSR* [The industrial and transport development of the USSR North]. Moscow: Izd-vo ekon. lit-ry, 1961.
- Slavin S.V. *Raionnyi razrez plana vtoroi piatiletki i kontsepsiia osvoeniia Severa* [The regional dimension of the second 5-year plan and the concept of development of the North]. In: *Stranitsy pamiati. O planakh, planirovanii i planirovshchikakh* [Pages of memory. On the plans, planning, and planners]. Moscow, 1988, pp. 181-195.

- Slavin S.V. Severnyi morskoi put' v Tret'eii piatiletke [The North Sea Route in the 3rd 5-year plan], *Sovetskaia Arktika*, 1939, no. 5, pp. 25-37.
- Slavin S.V. Severo-Vostok Sovetskogo Soiuza kak novyi formiruiushchiisia ekonomicheskii raion. Doklad na sektiiv raionnykh i mezhdunarodnyi kompleksnykh problem [The USSR North-East as an emerging economic zone. Report presented at the panel on regional and international complex problems]. Moscow, 1958.
- Slavin S.V. *Sovetskii Sever* [The Soviet North]. Moscow: Prosveshchenie, 1972.
- Slavin S.V., Dogaev Iu.M. Razvitie proizvoditel'nykh sil Severa i problemy regional'nogo nauchno-tehnicheskogo progressa [Development of the North's productive potential and problems of regional scientific and technological progress], *Problemy Severa*, 1972, Vol. 17, pp. 5-20.
- Slavina I.I. *Tonen'kii nerv istorii. (SShA)* [The thin nerve of history (the USA)], 2006. Available at: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=13089> (Accessed 25 May 2017).
- Slezkine Iu. *Arkticheskie zerkala: Rossiia i malye narody Severa* [Arctic mirrors. Russia and the Small Peoples of the North]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2008.
- Tarakanov M.A. Evoliutsiia prostranstvennoi lokalizatsii poniatii «Krainii Sever» i «Sever» v Rossii [The evolution of spatial localisation of the concepts of 'the Far North' and 'the North' in Russia], *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 2010, no. 28, pp. 32-41.
- Timoshenko A.I. Arktika-natsional'no znachimaia territoria: opyt rossiiskogo osvoeniia v XX stoletii [The Arctic, a territory of national importance: a history of development by Russia in the 20th century], *Gornye vedomosti*, 2014, no. 11, pp. 92-99.
- Shirokov A.I. *Dal'stroi v sotsial'no-ekonomicheskom razvitiu Severo-Vostoka SSSR. 1930-1950-e gg.* [Dalstroy in the social and economic development of the USSR North-East, the 1930s to the 1950s]. Moscow: ROSSPEN, 2014.
- Barenberg A. *Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta*. New Haven, 2014.
- Bruno A. Industrial Life in a Limiting Landscape: An Environmental Interpretation of Stalinist Social Conditions in the Far North. *International Review of Social History*, 2010, no. 55 (18), pp. 153-174.
- Bruno A. *The Nature of Soviet Power. An Arctic Environmental History*. New York: Cambridge University Press, 2016.
- Hardy J.S. *The Gulag after Stalin. Redefining punishment in Khrushchev's Soviet Union*. Cornell University Press, 2016.
- Josephson P.R. *The Conquest of the Russian Arctic*. Harvard University Press, 2014.
- McCannon J. *Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union 1932-1939*. New York and Oxford: Oxford University Press, 1998.
- Narrating the Arctic: a Cultural History Of Nordic Scientific Practices*. Ed. by Bravo M. and Sörlin S. Canton, Massachusetts, 2002.
- Pey-Yi Chu Mapping Permafrost Country: Creating an Environmental Object in the Soviet Union, 1920s-1940s. *Environmental History*, 2015, no. 20 (3), pp. 396-421.
- Spring U. Between Spectacle and Science: The Aurora in Central Europe, 1870s - 1880s. *Acta Borealia*, 2012, Vol. 29 (2), pp. 197-215.
- Science, Geopolitics and Culture in the Polar Region. Norden Beyond Borders*. Ed. by Sörlin S. Farnham, UK: Ashgate, 2013.